

алъ былъ очень многочуденъ. Послѣ шумнаго вальса Руневскій отвелъ свою даму на ея мѣсто и сталъ прохаживаться по компатамъ, посматривая на различныя группы гостей. Ему бросился въ глаза человекъ, по видимому, еще молодой, но блѣдный и почти совершенно съдой. Онъ стоялъ прислонясь къ камину, и съ такимъ вниманіемъ смотрѣлъ въ одинъ уголъ залы, что не замѣтилъ, какъ пола

его фрака дотронулась до огня и начала куриться. Руневскій, возбужденный страннымъ видомъ незнакомца, воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ завести съ нимъ разговоръ.

«Вы вѣрно кого нибудь ищете, сказалъ онъ, а между тѣмъ ваше платье скоро начнетъ горѣть.»

Незнакомецъ оглянулся, отошелъ отъ камина, и пристально посмотрѣвъ на Руневскаго, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я никого не ищу; мнѣ только странно, что на сегодняшнемъ балѣ я вижу *упырей!* —

«Упырей? повторилъ Руневскій, какъ *упырей?*»

— Упырей, отвѣчалъ очень хладнокровно незнакомецъ. Вы ихъ, Богъ знаетъ почему, называете *вампирами*, но я могу васъ увѣрить, что имъ настоящее Русское названіе: *упырь*; а такъ какъ они происхожденія чисто Славянскаго, хотя встрѣчаются во всей Европѣ и даже въ Азіи, то

и неосновательно придерживаться имени, исковерканнаго Венгерскими монахами, которые вздумали было все переворачивать на Латинскій ладъ и изъ упыря сдѣлали *Вампира*. — *Вампиръ, вампиръ!* повторилъ онъ съ презрѣніемъ, — это все равно, что если бы мы, Русскіе, говорили вмѣсто привидѣнія — *фантомъ* или *ревекантъ!* —

«Но однако, спросилъ Руневскій, какимъ бы образомъ попали сюда вампиры или упыри?»

Вмѣсто отвѣта, незнакомецъ протянулъ руку и указалъ на пожилую даму, которая разговаривала съ другою дамою и привѣтливо поглядывала на молодую дѣвушку, сидѣвшую возлѣ нея. Разговоръ очевидно касался до дѣвушки, ибо она время отъ времени улыбалась и слегка краснѣла.

— Знаете ли вы эту старуху? — спросилъ онъ Руневского.

«Это бригадирша Сугробина, отвѣчалъ тотъ; я ее лично не знаю, но мнѣ говорили, что она очень богата и что у нея недалеко отъ Москвы

есть прекрасная дача, совсѣмъ не въ бригадирскомъ вкусѣ.»

— Да, она точно была Сугробина пѣсколько лѣтъ тому назадъ, но теперь она нечто иное, какъ самый гнусный упырь, который только ждетъ случая, чтобы насытиться человѣческой кровью. Смотрите, какъ она гадитъ на эту бѣдную дѣвушку; это ея родная внучка. Послушайте, что говорить старуха: она ее расхваливаетъ и уговариваетъ пріѣхать недѣли на двѣ къ пей на дачу, на ту самую дачу, про которую вы говорите; но я васъ увѣрю, что не пройдетъ трехъ дней, какъ бѣдняжка умретъ. Доктора скажутъ, что это горячка, или воспаленіе въ легкихъ; но вы имъ не вѣрьте! —

Руневскій слушалъ и не вѣрилъ ушамъ своимъ.

— Вы сомнѣваетесь? продолжалъ тотъ; никто однако лучше меня не можетъ доказать, что Сугробина упырь, ибо я былъ на ея похоронахъ. Если бы меня тогда послушали, то ей бы вѣ-

ли осиновый колъ между плечъ для предосторожности; ну, да что прикажете? Наслѣдники были въ отсутствіи, а чужимъ какое дѣло? —

Въ эту минуту подошелъ къ старухѣ какой-то оригиналъ въ коричневомъ фракѣ, въ парикѣ, съ большимъ Владимірскимъ крестомъ на шеѣ и съ знакомъ отличія за 45 лѣтъ безпорочной службы. Онъ держалъ обѣими руками золотую табакерку и еще издали протягивалъ еѣ бригадиршѣ.

«И это упырь?» спросилъ Руневскій.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ незнакомецъ. Это статскій совѣтникъ Теляевъ; онъ большой пріятель Сугробинѣ, и умеръ двумя недѣлями прежде ея. —

Приблизившись къ бригадиршѣ, Теляевъ улыбнулся и шаркнулъ ногой. Старуха также улыбнулась и опустила пальцы въ табакерку статскаго совѣтника.

«Съ дѣнпикомъ, мой батюшка?» спросила она.

— Съ донникомъ, сударыня, — отвѣчалъ сладкимъ голосомъ Теляевъ.

— Слышите? сказалъ незнакомецъ Руневскому; это слово въ слово ихъ ежедневный разговоръ, когда они еще были живы. Теляевъ всякій разъ, встрѣчаясь съ Сугробинпой, подносилъ ей табакерку, изъ которой она брала щепотку, спросивъ напередъ, съ донникомъ ли табакъ? Тогда Теляевъ отвѣчалъ, что съ донникомъ, и садился возлѣ нея. —

«Скажите мнѣ, спросилъ Руневскій, какимъ образомъ вы узнаете, кто упырь и кто нѣтъ?»

— Это совсѣмъ не мудрено. Что касается до этихъ двухъ, то я не могу въ нихъ ошибаться, потому что зналъ ихъ еще прежде смерти, и (мимоходомъ буди сказано) не мало удивился, встрѣтивъ ихъ между людьми, которымъ они довольно извѣстны. Надобно признаться, что на это нужна удивительная дерзость. Но вы спрашиваете, какимъ образомъ узнавать упырей? Замѣйте только, какъ они, встрѣчаясь другъ съ другомъ, шел-

каютъ языкомъ. Это по настоящему не шелканье, а звукъ, похожій на тотъ, который производятъ губами, когда сосутъ апельсинъ. Это ихъ условный знакъ, и такъ они другъ друга узнаютъ и привѣтствуютъ.

Тутъ къ Руневскому подошелъ одинъ шеголь и напомнилъ ему, что онъ его *vis-à-vis*. Всѣ пары уже стояли на мѣстѣ, и такъ какъ у Руневскаго еще не было дамы, то онъ поспѣшилъ пригласить ту молодую дѣвушку, которой незнакомецъ пророчилъ скорую смерть, ежели она согласится ѣхать къ бабушкѣ на дачу. Во время танца онъ имѣлъ случай рассмотреть ее съ примѣчаніемъ. Она была лѣтъ семнадцати; черты лица ея, уже сами по себѣ прекрасныя, имѣли какое-то необыкновенно трогательное выраженіе. Можно было подумать, что тихая грусть составляетъ ея постоянный характеръ; но когда Руневскій, разговаривая съ нею, касался смѣшной стороны какого нибудь предмета, выраженіе это исчезало, а на мѣсто его появлялась самая веселая улыбка. Всѣ отвѣты ея были остроумны, всѣ замѣчанія разительны и оригинальны. Она смѣялась и шутила

безъ всякаго злословія и такъ чистосердечно, что даже тѣ, которые служили пѣлюю ея шуткамъ, не могли бы разсердиться, еслибъ они ихъ слышали. Видно было, что она не гонится за мыслями и не изыскиваетъ выражений, но что первыя рождаются внезапно, а вторыя приходятъ сами собою. Иногда она забывалась, и тогда опять облако грусти помрачало ея чело. Переходъ отъ веселаго выраженья къ печальному и отъ печальнаго къ веселому составлялъ странную противуположность. Когда стройный и легкій станъ ея мелькалъ между тапцующими, Руневскому казалось, что онъ видитъ не существо земное, но одно изъ тѣхъ воздушныхъ созданий, которыя, какъ увѣряютъ поэты, въ мѣсячныя ночи порхаютъ по цвѣтамъ, не сгибал ихъ подъ своей тяжестью. Никогда никакая дѣвушка не производила на Руневского такого сильнаго впечатлѣнія; онъ тотчасъ послѣ танца попросилъ, чтобъ его представили ея матери.

Вышло, что дама, разговаривавшая съ Сугробинной, была не мать ея, а какая-то тетка, которую звали Зоринной и у которой она воспитыва-

лась. Руневскій узналъ послѣ, что дѣвушка уже давно сирота. Сколько онъ могъ замѣтить, тетка ее не любила; бабушка ее ласкала и называла своимъ сокровищемъ, но трудно было угадать, отъ чистаго ли сердца происходили ея ласки? Сверхъ этихъ двухъ родственницъ у нея никого не было на свѣтѣ. Одинокое положеніе бѣдной дѣвушки еще болѣе возбудило участіе Руневскаго, — но къ сожалѣнію его, онъ не могъ продолжать съ ней разговора. Толстая тетка, послѣ нѣсколькихъ пошлыхъ вопросовъ, представила его своей дочери, жеманной барышнѣ, которая тотчасъ имъ завладѣла.

«Вы много смѣялись съ моей кузиной, сказала она ему. Кузина любить смѣяться, когда бываетъ въ духѣ. Я чаю, всѣмъ отъ нея досталось?»

— Мы мало говорили о присутствующихъ, отвѣчалъ Руневскій. Разговоръ нашъ болѣе касался Французскаго театра. —

«Право? Но признайтесь, что нашъ театръ не заслуживаетъ даже, чтобъ его браили. Я всегда страхъ какъ скучаю, когда туда ѣзжу, но я это дѣлаю для кузины; маменька по-Французски не понимаетъ и для нея все равно, есть ли театръ, или нѣтъ, а бабушка и слышать про него не хочетъ. Вы еще не знаете бабушки; это въ полномъ смыслѣ слова — бригадирша. Повѣрите ли, она сожалѣетъ, что мы болѣе не пудримся?»

Софья Карповна (такъ называли барышню), посмѣявшись на счетъ бабушки и желая ослѣпить Руневскаго своею колкостью, перешла и къ прочимъ гостямъ. Болѣе всѣхъ отъ нея доставалось одному маленькому офицеру съ черными усами, который очень высоко прыгалъ, танцуя французскую кадрили.

«Посмотрите пожалуйста на эту фигуру, говорила она Руневскому; можно ли видѣть что нибудь смѣшное ея, и можно ли для нея придумать фамилію приличную той, которой она гордится: ее зовутъ Фрышкинъ! Это самый несносный человѣкъ въ Москвѣ, и что всего до-